

МИХАИЛ ДУДИН · ТРИ КРУГА

НОВИНИ · СОВРЕМЕННОСТИ ·

МИХАИЛ
ДУДИН

ТРИ КРУГА

НОВИНКИ-СОВРЕМЕННОИКА

МИХАИЛ ДУДИН

**ТРИ
КРУГА**

*Книга новых
стихотворений*

«Современник»
Москва • 1984

Р2
Д81

Д $\frac{47002010200-029}{M106(03)-84}$ 158-84

ББК84Р7
Р2

*...Не по моей вине синева
небес ласкает мои глаза.*

И. Коневской

*...Я не презграждал путь
бегущей воде.*

Древние египетские папирусы

**КРУГ
ПЕРВЫЙ**

1980

КЛЮЧ

Пойду на луг прочистить наш родник,
Я там не задержусь. Пойдем со мной.

Роберт Фрост

Среди берез в зеленом храме,
В любезном памяти краю,
Я просыпаюсь с петухами
И вместе с иволгой встаю.

И вновь душа поет и верит,
Как в измерении ином,
И время медленное мерит
Кукушки древней метроном.

И этот голос длится, длится
И веселит мои глаза,
И мне в тетрадь мою садится
На место рифмы стрекоза.

**СТИХИ
ПЕРЕД УПАВШИМ ДЕРЕВОМ**

Со мною вместе в чистом поле
Оно росло на вольной воле.

Зеленой кроною шумело
И спорить с бурями умело.

За грозовыми облаками
Ловило молнию руками.

Мир озарив зеленым блеском,
Оно парило над подлеском.

В его ветвях, в его купели,
Встречая солнце, птицы пели.

В его тени играли дети.
...И это кончилось на свете.

*

Ты плачешь, молча мир кляня
За пошлый гнет житейской прозы.
И где-то в горле у меня
Горчат сочувственные слезы.

От глаз моих недалеке,
В конце невысказанной фразы,
Блестят, стекая по щеке,
Обиды круглые алмазы.

И в этой трудной тишине
Мне видится или сдается,
Как, отраженный в глубине
Твоей слезы, весь мир смеется.

Не насыщая пищей чрево,
Жует себя двадцатый век
И рубит, рубит Жизни древо,
Как беспощадный дровосек.

И это древо все покорней —
Не по законам естества.
Трещит кора, слабеют корни,
И жухнет пыльная листва.

Великий разум! Запрети ты
Рубить хотя б последний сук,
Но развивают аппетиты
Все ответвления наук.

Наука действует, как сводня,
А Время сводню не корит.
В борьбе за лучшее Сегодня
Вовсю Грядущее горит...

ВСПОМИНАЯ ОКЕАН

В наплыве рваного тумана
С уступа каменной гряды
Я видел действие тарана
Океанической воды.

Я любовался этой схваткой
Меж диким камнем и водой.
И ликовало сердце сладко
Восторгом страсти молодой.

Как будто в нем гремели шквалы,
Соленый ветер рвал туман,
Валы и волны шли на скалы,
А скалы шли на океан.

А путь мой в жизни не был праздный.
И стал мне дорог с неких пор
В рассветный час многообразный
Воды и гальки разговор.

Тот час, когда все в мире ладит,
И жизнь спокойствия полна,
И скалы каменные гладит
Наплывом ласковым волна.

Июль. Исходят липы цветом.
У лета дел невпроворот.
С утра, разбуженный рассветом,
Пчелиный трудится народ.

Спешит. И в том его заслуга,
Судьбы великая страда.
И медом пахнет вся округа,
Деревья, воздух и вода,

Земли и неба мир раздольный,
Его насущные дела.
А липы, словно колокольни,
Гудят во все колокола.

**СЕРГЕЙ
ОРЛОВ**

Из чрева подбитого танка
Он выполз последним, в огне.
И треснула башня, как банка,
И снег зашипел на броне.

Потом в госпитальной постели
Он вспомнил о том рубеже.
Закрылись ожоги на теле.
Остались рубцы на душе.

Да праведной памяти ради
Остался навек и на миг
В пропахшей газойлем тетради
Прекрасной поэзии лик.

Осталась великая сила,
Подспудно пылавшая в нем,
Которая душу томила
И жгла, очищая, огнем.

Солдатская выпита фляжка.
Никто никого не корит.
Подобная солнцу ромашка
В его изголовье горит.

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

Когда живущие молчат,
Тогда погибшие кричат.

И не во сне, а наяву
Опять летят через Неву,

Через Неву и на Берлин
Сквозь гром огня и скрежет льдин,

На левый берег дотам в лоб
И — кровью собственной взახлеб.

Собой к Победе мост мостят.
Они забвенья не простят.

На горькой памяти-огне
Они всегда горят во мне.

И жизни завтрашнего дня
Нет без вчерашнего огня.

Об этом мертвые кричат,
Когда живущие молчат.

ПОЛДЕНЬ

Недвижна чистая река.
В реке недвижны облака.

Зеленый лес, и пестрый луг,
И мир внутри, и мир вокруг,

Сосредоточенности миг
Блаженства высшего достиг.

Молчит Земля. Молчит Зенит.
И только тонко рожь звенит.

**ПАМЯТИ
Л. Н. МАРТЫНОВА**

Ворочал он камни сомнений,
Талантам своим господин.
Собранье его сочинений
Читайте один на один.

Он к истине шел в одиночку
Сквозь дебри деревьев и книг.
Прямым попаданием в точку
Он многих открытий достиг.

В минувшем и нынешнем веке,
Во всем доходя до конца,
Прозреньем души в Человеке
Он видел и славил Творца.

За ним от Оби до Онеги
Волной на полярный редут
Его вдохновенья побег
С весенним разливом идут.

Его благородства основа
Осталась в его мастерской.
А песни отменное слово
Украсило праздник людской.

*

Я знаю все, но только не себя.

Франсуа Вийон

В мельканье жизни разной,
В столице и в глуши,
Стихи есть дело праздной,
Отторженной души.

В попытке бесполезной
Желания суметь
Возвыситься над бездной
Классических сует.

Чем превосходней строфы,
Тем яростней навет,
Тем большей катастрофы
Достоин сам поэт.

Но он с петлей на вые
Пройдет наверняка
События роковые,
Пустыни и века.

А золотой чеканки
Шекспировский сонет
Есть способ из-за рамки
Глядеть на белый свет.

ОПТИМАЛЬНЫЕ СТИХИ

Мы — дети случая. И в нас
Живет случайности запас.

Мы увлекаемся порой
Слепого случая игрой.

В гостях у жизни на пиру
Ведем опасную игру.

И та опасная игра
Нам не сулит порой добра.

Идет игра добра со злом.
И зло кричит: «Добро на слом!»

И злу послушный реквизит
Вселенской гибелью грозит.

Но добрый случай в добрый час
И в этот раз спасает нас

И ставит мужество к рулю.
И я у случая молю:

**Дай нам от мудрости ключи
И равновесью научи.**

**А память ненависти смой
Игрой гармонии самой.**

**НАДПИСЬ НА РУКОПИСИ
БЕЗ ПОДПИСИ**

Поэт, душой высокой ради
Великой жизни порадей,—
Не помышляя о награде,
Будь сам наградой для людей.

ОДА СВЕЧЕ

В. Н. Орлову

Рассвет его величество
Пока еще в пути.
Погасло электричество —
Давай, свеча, свети!

Ночь. Ни звезды, ни месяца.
Ни вспышки, ни луча.
Но светит, светит, светится
Старинная свеча.

Ползет тревога ложная —
Смети ее, смети!
Гори, моя надежная,
Не потухай, свети!

Свети всю ночь, неяркая,
Дневного солнца дочь.
Пусть ночь, как ворон каркая,
Летит от окон прочь.

Гори на подоконнице
До утренней зари.
Свети моей бессоннице,
С моей душой гори.

Я вновь дышу моей весной,
И мне отраднo все земное
На этой просеке лесной
В пропахшем земляникой зное.

Сквозь листья солнечная вязь
Здесь рассыпается повсюду,
Как восстановленная связь
Моих приверженностей чуду.

И здесь, среди зеленой мглы
Ветвей на утренней просушке,
Опять чечетки и щеглы
Не подчиняются кукушке.

Здесь, в переполненной глуши,
Я, прежний, сам себе несносен.
И дерево моей души
Поет в кругу осин и сосен.

Ты бежишь за вчерашним днем,
А его уже больше нет.
Он сгорел голубым огнем,
И от дыма растаял след.

Обаянье вчерашних рук
Не согрело усталых плеч.
Белый снег на зеленый луг,
Как забвение, должен лечь.

Легким выдохом растопи
На стекле ледяной обман.
Не твои ли следы в степи
Замечает седой буран.

Ах, как сладко тает в груди,
Затухая, последний зной
Над сверкающей впереди
Беспощадною белизной.

*

Зачем опять ломать карандаши
В пустыне отчуждения души?

Зачем бедой на выручку беды
Плыть вопреки движению воды?

Вода все выше, все плотней туман,
И всех плывущих сносит в океан.

Мы все зависим друг от друга
На этом жизненном кругу.
Что ты не сможешь — я смогу,
И в этом общая заслуга.

И ты придешь, когда мне тужо,
И не позволишь гнуть в дугу.
Мы — две травинки на лугу.
Но нет без нас единства луга.

Живет победой и бедою
Зеленый луг и Млечный Путь.
Не делима бороздою

Между травинкой и звездою
Одной-единой жизни суть.
Мы были. Есть. И будем.

Будь!

Непобедимой жизни праздник
Живое в радости не разнит,
А радость к радости зовет.
Все начинают в жизни двое,
Любовью движется живое
И для грядущего живет.
И в этой вечной эстафете
Жизнь остается светом в свете,
Как след от праздника двоих.
Он еще светит нам с тобою,
В моих глазах — твоей судьбою,
Моей судьбой — в глазах твоих.

О том, что в тайной песне спето,
Воспоминаньем наяву,
Я в это медленное лето
Как сладкой гибелью живу.

Еще не скошенной поляной,
Где травы ластятся к рукам,
Иду, очарованьем пьяный,
И улыбаюсь облакам.

Сам по себе иду, без цели,
В сопровождении берез,
Как будто в мире в самом деле
Нет ни погибели, ни слез.

Как будто там, за дальней далью,
В грозой распахнутом окне
Своей прекрасною печалью
Ты улыбнулась тихо мне.

Самих познаний черствый хлеб,
Накопленный веками,
И лабиринты всех судеб
Опасны тупиками.

Там, позади, в наплыве мглы,
В надежде перемены,
Сомнений сбитые углы
И сломанные стены.

Там еще Истина с плеча
Другую рубит в споре.
Горит последняя свеча
В последнем коридоре.

И свет ее, как свет тоски
Несбывшегося чуда,
Твоих ладоней лепестки
Еще хранят покуда.

Ну, что ж! Дари, раздаривай
Последнее тепло,
Пока с холодным заревом
Оно не утекло.

Пока еще не грянула
Последняя гроза,
Пока пьянее пьяного
Осенние глаза.

Пока не проморозило
И не заволокло
Синеющего озера
Промытое стекло.

Пока еще не связаны
Ни руки, ни сердца,
А песне не заказаны
Дороги в два конца.

ОКНО

Сквозь годы-расстояния
Мне видится одно
На улице Восстания
Высокое окно.

Там в юности изменчивой
Меня свела сама
С моею первой женщиной
Блокадная зима.

Мне снятся гордой зрелости
И зрелой красоты,
Страдания и смелости
Прекрасные черты.

А рядом с ней незрячая
И радость, и напасть, —
Мальчишески горячая
Отчаянная страсть.

Она меня заставила
Любить весь мир земной,
Но рядом не оставила
И не пошла со мной.

Сквозь годы-расстояния
Мне видится одно

На улице Восстания
Потухшее окно.

Над ним по небу голому
Рассвет сгоняет тьму.
...Я опускаю голову
И кланяюсь ему.

На смятую постель рассвет
Взглянул случайно.
Как будто в этом тайны нет?
Должна быть тайна.

Ночь в затемнении глухом
Тому порукой
Перед соблазном и грехом
Восторга с мукой.

Где смертный страх и мнимый гнев
Без права власти
На чуть мерцающий рельеф
Притихшей страсти,

Не отвечающие за
Тот поединок,
Где жизнь и смерть глаза в глаза
И — воедино.

И лишь — из будущего след
Случайной вести.
Уходит ночь. Молчит рассвет
Со мною вместе.

Стояла сушь. Хлеба от жажды
Сгорали в поле. Старый лес
Сухой листвой и корнем каждым
Ждал чуда — дождика с небес.

Но из-за лысого кургана
Пришел не дождь, а ураган,
И авангарды урагана
Сквозь пыль метнулись, как таран.

И, как драконы из поверья,
Взлетели вихри на дыбы.
Пригнулись хвойные деревья,
И тяжко ахнули дубы.

И мрак возник, и в этом мраке
Сверкнули молнии с небес.
В последней огненной атаке
Остолбенел и рухнул лес.

Потом повеяло покоем.
Исчезли молнии в дыму.
И хлынул дождь над мертвым полем,
Уже не нужный никому.

ОЧЕНЬ ПРОСТЫЕ СТИХИ

Как яблоко на блюде,
У нас Земля одна.
Не торопитесь, люди,
Все выскрести до дна.

Немудрено добраться
До скрытых тайников,
Разграбить все богатства
У будущих веков.

Мы общей жизни зерна,
Одной судьбы родня.
Нам пировать позорно
В счет будущего дня.

Поймите это, люди,
Как собственный приказ,
Не то — Земли не будет
И каждого из нас.

МОЛОДОМУ МАСТЕРУ

Талант, отпущенный по смете,
Наполнить действием пора.
Все совершенное на свете
Изготавливают мастера.

Чтобы тебя не огорчала
Судьба несовершенных дел, —
Не вышло — начинай сначала,
Умри, но сделай, как хотел.

Проверь познания и чувства.
Отъедини от бреда явь.
И труд на уровень искусства
Рукою мастера поставь.

Смотри: выходит?! Не напрасно
За мыслью следует рука.
И все прекрасное прекрасно
Людскому братству на века.

Оно надеждой светит веку.
Над дикой страстью держит власть,
Не позволяя человеку
До грани варварства упасть.

Гляди вперед добрей и шире,
Переступи тоску и страх.
Все совершенство — в этом мире,
И мир стоит на мастерах.

**НАДПИСЬ
НА КНИГЕ СЕНЕКИ
«ПИСЬМА К ЛУЦИЛИЮ»,
ПОДАРЕННОЙ
ВЛАДИМИРУ ЖУКОВУ**

**Мы послужили веку
Судьбой своей. Теперь
Пора читать Сенеку,
Тупея от потерь.**

**И видеть все без глянца —
Победу и урон.
И ждать, пока посланца
Не подойдет Нерон.**

КАИН

Не знаю, как через лавину
Времен, предательств и разлук
Первоначальную дубину
Отнять у Каина из рук.

Туда — покуда нет возврата.
Есть только путь один — вперед.
Там — брат лишает жизни брата.
Здесь — на народ идет народ.

Вот подготовлена атака.
Навстречу встали две стены
И ждут сигналов. Но, однако,
Сам Каин бьет из-за спины.

В глазах его сверкает золото
И пахнет смертною тоской.
И он сейчас сметет не брата,
А целиком весь род людской.

И все. Ни дьявола, ни бога,
Ни оправданья, ни вины.
И до созвездья Козерога —
Пустыня красной тишины.

Все ощутимее потери,
Все выше своды старых стен,
Все чаще хлопают те двери,
Куда уходят без замен.

Уходят Времени Солдаты,
Высокой чести имена,
Просчетов траурные даты,
Побед великих времена.

Уходят в сторону покоя
На голубые острова.
Уходят тихо с поля боя,
Где всходит новая трава.

Уносят свой позор и славу,
Допив последний мед и яд,
И на зеленую отаву
С усталой завистью глядят.

..Потому что нет меня.

В. Торопыгин

Мой друг умирает в постели
И как бы из жизни иной
Глядит через прошлые цели
Еще не прощенной виной.

Высоко тоски и печали
Плывут перед ним облака.
Но он от земли не отчалил
И к ним не причалил пока.

И здесь, на пороге разлуки,
Еще непонятной дотоль,
Берет его в жесткие руки
Последняя женщина — боль.

Склоняется к белой кровати
И жизнь замыкает в кольцо.
И ставит страданья печати
Уже на чужое лицо.

Любовь, клевета и заслуга
В одном догорают огне.
И жизни на целого друга
Становится меньше во мне.

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

Когда тебе невыносимо тяжело,
Попробуй сделать хорошо тому,
Кого гнетет беда твоей сильнее,—
И сразу полегчает на душе
Сначала у тебя, потом у человека,
Которому ты сделал хорошо.
А дальше все пойдет своим порядком:
На две улыбки посветлеет сумрак,
На два шага приблизится рассвет,
И две звезды над хмурым океаном
Появятся, и мореход упрямый
На этот раз от гибели уйдет.

Не спеши улетать из души моей, красное лето,
Колокольчиком синим под облаком белым звеня.
Это псковские льны зацвели, и сегодня с рассвета
Голубеет земля в голубом обрамлении дня.

Этот пух одуванчиков, правда, похож на снежинки,
Конокрадом татарник в седом затаился овсе.
Пусть еще постоят прошлогодних раздумий дожинки,
Дождаясь серпа на посеянной мной полосе.

Отцветет медуница, и птицы натешатся вволю,
Перед тем как отправиться в самый далекий полет.
И прекрасная женщина тихо по тихому полю
В августовской печали на мой перекресток придет.

Я увижу ее на пороге последней разлуки,
Загляну в ее очи и что-то скажу невпопад.
И звезда, словно яблоко, скатится женщине в руки,
И цыганскою ночью загонит коня конокрад.

ПЕРЕД УТРОМ

Наполненная жизнью тишина.
По листьям дождик — россыпью пшена.

На озере луна, как полынья,
И на луне ленивый всплеск лinya.

В прилипшей хвое круглые бока
Идущего к тропе боровика.

Из-под листа, как зрелости намек,
Румяной земляники огонек.

Хруст тонкой оболочки у яйца
И появленье самого птенца.

И троекратный возглас петуха,
Как окончанье ночи и стиха.

КРУГ
ВТОРОЙ

1981

ИЗ-ПОД
СНЕГА

*Другого не было пути,
И я прощу, и ты прости.*

К. Случевский

В какой закономерности,
Попробуй назови,
Измена — учит верности,
А ненависть — любви.

Что быть должно, то станется,
И этим жизнь права.
Под снегом к солнцу тянется
Бездумная трава.

Росу в сирени солнце пьет
И стрелы в листья мечет.
А в солнце иволга поет
И ласточка щебечет.

В сверканье капель и лучей
Там, в середине лета,
Весь мир ничей, и ты ничей,
И песня недопета.

Вид из окна неприхотливый
В моем убежище глухом:
Куст бузины зарос крапивой,
Татарником и лопухом.

Стеснительно и неумело,
Как на сочувствие намека,
Горит в крапиве чистотела
Крестообразный огонек.

И это малое горенье,
Большого солнышка родня,
Преображает в удивленье
Пустыню пасмурного дня.

Человек человеку родня.
И воистину распри и войны
Мы, как боги, оставить достойны
За порогом вчерашнего дня.

Свечи мерцающий огарок.
Морозной ночи кутерьма.
И томик Тютчева — подарок
Любимой матери... Тюрьма.

И крепостей старинных вроде
Снегов завалы и валы.
...А на путиловском заводе
Еще куются кандалы.

Сибирь. Сибирь... И ветер в двери,
Как вестник бури у крыльца.
«В Россию можно только верить...»

Я тоже верю. До конца.

Весь мир туманный и неясный,
И все загадки естества
Веленью разума подвластны
И совершенству мастерства.

Лишь только мастер видит всюду
Следы Гармонии во мгле,
И только он умеет чуду
Помочь родиться на земле.

Есть хаос, есть порядок
И рядом с Долгом Честь.
И миллион загадок
В любой травинке есть.

Грядущее тревожно.
Прошедшее темно.
Возможное, возможно,
По-новому умно.

Из тьмы свинцовых копей
Прокладывает след
Заманчивых утопий
Передрассветный свет.

Что истинно, что ложно —
Душе не все равно,
Прошедшее тревожно.
Грядущее темно.

Но над тоской и ложью,
Над всем, что не понять,
Идет по бездорожью
С грудным ребенком мать.

Идет, поет и плачет
У жизни впереди
И, прижимая, прячет
Ребенка на груди.

Освобожденное от пыла,
Вещает древнее число
О том, что в этом мире было,
Быльем и былью поросло.

И снова прошлому заслонов
Нет в мертвом шелесте страниц,
Где тьмы погибших легионов
Душ состоят из единиц.

И в каждой единице — чуду
Судьбы загадочный вопрос
И — на предательство Иуду
Благословляющий Христос.

Иные пути и начала
Ушли мы искать в города.
И наша земля одичала
Без нашей любви и труда.

Мы быстро утратили корни
И песен великий запас,
И стали грубей и покорней,
И радость оставила нас.

И в мире дотошном и пошлом
Опошлись наши умы,
И, не вспоминая о прошлом,
Забыли грядущее мы.

Назад мы дороги не ищем,
Живя на своем этаже.
Не ездим к родным пепелищам —
Нам некуда ехать уже.

Горят и светят сквозь ресницы
Промытой страсти янтари.
Иди. И радостью сторицей
Другую душу одари.

Мой дух тоской земли недужен.
Он мировую чует тьму.
И, если я тебе не нужен,—
Не нужен больше никому.

*

*Виктору Александровичу Тофеенко и Татьяне Кирилловне Сузомлиной в день их свадьбы 8 августа
1981 года*

Согласия и радости
Желает опыт юности —
Не торопясь по малости
Вдвоем свою судьбу нести.

И лично, без посредников,
Своих забот по милости,
В судьбе своих наследников
Опять для жизни вырасти.

Мир бесконечен и богат,
И небо жизни звездно.
Пусть будет пахарем солдат,
Пока еще не поздно.

Пусть ярче светится во мгле
Мечта сторожевая.
Пусть жизнь ликует на земле,
Пока земля живая.

Земля — твой мир, твой отчий
дом,

Твои любовь и дети.
Храни ее своим трудом
И песней на рассвете.

Будь к совершенству устремлен,
Как колос — к солнцу в поле,
Пока бессмертие времен
И вера в нашей воле.

Из недр глубинных брызги
И пой со мной всегда,
Хранительница жизни —
Бегущая вода.

Звени от яра к яру
И превратить спеши
В зеленый сад Сахару
Пылающей души.

Смелей, сильнее и шире
Захлестывай песок.
Пусть не смолкает в мире
Хрустальный голосок.

Волной на вольной воле
По камушкам играй.
Пусть зреет жизни поле —
Благословенный край.

Срединой, а не сбоку
Веди по жизни путь.
И к своему истоку
Вернуться не забудь.

*

Все, словно должное, приемля,
Без передышки, в полчаса,
Мы губим океан и земли
И жжем, как лампу, небеса.

Мы добираемся до точки,
Своих размахов не тая.
Скрипят, как обручи на бочке,
Круги земного бытия.

Чем мы еще потешим души,
Каких наделаем чудес,
Куда мы двинемся без суши,
Без океанов и небес?!

Здравствуй, милая, здравствуй!

Еще примириться не хочет

С одиночеством дух, не насытились солнцем глаза.
Мне в моем декабре еще снятся июльские ночи,
Где раскатами грома гремит и играет гроза.

Как прекрасна гроза — очищение глубинной печали,
Возвращение вод издалека к своим берегам.
Здравствуй, милая, здравствуй!

Кричу я в далекие дали

И все дальше на Север иду по глубоким снегам.

Здравствуй, милая, здравствуй!

Пестрят пустыри земляникой

Там, в июле твоём, где распахнута радости дверь.
Еще грезит душа и тобой, и тоскою великой
Предстоящей расплаты за счастье последних потерь.

Твой июль над рекою стоит, опершись о перила,
Отраженный в реке, ничего от реки не тая.
И река ему вечность на веки веков подарила.
Здравствуй, милая, здравствуй!

Да славится щедрость твоя.

Дрожь по листьям прошла. Это ветер далекого Юга
Прошумел по ополью. Конец наступает игре.
Здравствуй, милая, здравствуй!

Метет полуночная вьюга.

И забвение снега клубится в моем декабре.

**ПАМЯТИ
СЕРГЕЯ НАРОВЧАТОВА**

Еще один однополчанин
В дорогу вечности отчалил.
Ушел еще один солдат.
Ушел из жизни легкой тенью
К оставленному поколенью
Туда, на сорок лет назад.

Ушел к друзьям любви и чести,
Чтоб навсегда остаться вместе
На рубежах сторожевых.
Ушел связным времен и веры,
Примером мужества без меры,
Надеждой мертвых на живых.

Он был воистину поэтом.
Пусть жизнь печалится об этом.
И пусть не тронет никогда
Его судьбы и жизни дело,
Осуществленное умело,
Забвенья горькая вода.

*

Правда в старинной пословице есть:
Трусу — оружие, мужеству — честь!

Слава — за всех умереть одному.
Хитрость — коварству, победа — уму!

Горечь разлуки — великой любви!
Милая, мир возведен на крови.

В мир без войны мы поверить вольны —
Мир недоверия хуже войны.

Виднее в чаше жизни дно.
Короче ночи.
И все томительней одно
Из одиночеств.

А позади горит костер
У перевала,
Ликует песня, и простор,
И запевала.

И рады песне и весне
Трава и трубы.
И девочка твои во сне
Целует губы.

И сорок миллионов роз
Раскрыли веки.
И реки материнских слез
Текут, как реки.

А впереди и долг и рок,
Томленье наше.
Последней горечи глоток
В последней чаше.

Но ты допей ее, допей
И кости на кон.

Ты жил с людьми. И для людей
И пел, и плакал.

А что там будет впереди,
Мечтой не трогай.
И в одиночество иди
Своей дорогой.

*

Возникают и гибнут вместе
Слово славы и Дело чести.

Дело чести — основа Слова —
В Слове славы восходит снова,

И зовет, и ведет победу
Славой Дела судьбы по следу,

И спешит через уши в душу
Океанской волной на сушу.

Согласованность Слова с Делом —
Песня жизни на свете белом,

Песня радости и величья,
Человека привычка птичья.

И не Слово кончает с Делом —
А душа расстаётся с телом

И летит за предел предела
Желтой бабочкой чистотела.

*

Это милое обаянье
Вашей прелести, Каринэ,
Через времени расстоянье
Нежной радостью светит мне.

И, вечерних раздумий дети,
В вашу честь, по вашей вине
Неразумные рифмы эти
Сочиняются, Каринэ.

И ты стоишь, как нищий,
И жизнь твоя пуста,
И скучны, как кладбища,
Родимые места.

У старого колодца
Корова не мычит,
И ласточка не вьется,
И кочет не кричит.

И одичалой кошки
Безумные глаза
На выбитом окошке
Горят, как два туза.

Я вам за все спасибо говорю:
За рваную вечернюю зарю,
Пронизанную ветром и печалью,
За горький дым
И за далекой далью
Пустых полей
Мелькнувший огонек.
Он для меня
Надежда и намек.

По щедрости души и своеволью
Погибелью и самой сладкой болью
Вы стали для меня в укор
календарю.

И я спасибо вам за это говорю.
За взгляд в мои глаза,
За легкую игру,
За взлет воображенья
На пиру
Охваченного страстью листопада.

Ах, если б знали вы,
Как безрассудно рада
Моя душа на вашем берегу
Опять цвести...
Я рад тому, что я еще могу
Сходить с ума...

В песках времен иссякнет наша речь.
Плоды и песни растеряет лето.
С томительного перекрестка встреч
И я уйду, и ты уйдешь. Но где-то

Проявятся незримые следы,
Которые и в нас оставил Гений,
Как тихие хрустальные цветы
В пустых полях ночных воображений.

Останется зеленая листва
На дереве познания былого
И музыка вселенского родства
В тоске еще не сказанного слова.

Железная дорога,
Далекой дали даль
От станции Тревога
До станции Печаль.

Мотаются колеса
В пыли из-под колес.
Высокий скат откоса
Мать-мачехой зарос.

И листья, как ладони,
Вдогонку машут мне
На этом перегоне
В распахнутом окне.

И машинист не хочет
Нажать на тормоза.
Гремучий гром грохочет,
И ветер бьет в глаза.

Локомотив задержан,
Как мерин молодой,
Вчерашнего восторга
Сегодняшней бедой.

Летучий поезд мимо
Летит, как заводной,

И родины родимой
И матери родной.

На дальнем перегоне
В далекой стороне
Мать-мачехи ладони
Ночами снятся мне.

Железная дорога.
Далекой дали даль.
Вчерашняя тревога.
Грядущего печаль.

Ах, женщина! Мне тоже опыт дан
Не замечать твой вековой обман.
И никогда
У бездны на краю
Я за обман тебя не укорю.
Мне вековая нравится игра
И неприметный проигрыш добра.
В конце концов,
Мне за мое добро
Мое недостающее ребро
Вдруг стало женщиной...
И взгляд ее — закон.
Через нее я с вечностью знаком.
И там, в ночи,
На ложе всех начал,
Я перед ней о вечности молчал,
Пока для нас
Вселенная
Из звезд
К другой вселенной возводила
мост
И открывала миру, не тая,
Над бездной мрака
Солнце бытия.

Великая могучая река
Любви времен течет издалека.
И только евнух, жаждущий любить,
Течение жизни может погубить.

Помолчи, или оплакивай,
Или свой осмысли век.
На звонок в палате раковой
Нажимает человек.

А потом, собравшись с силою,
Шепчет в ватной тишине:
«Помоги, сестрица милая,
Встретить солнышко в окне».

Но не смотрится, не стонется.
Отступаются слова.
И к стене с подушки клонится
Неживая голова.

Вот и все. Судьба кончается.
Заметает время след.
За окном фонарь качается,
И в палате гаснет свет.

*

Увы, не представляет разум
Предела жадности своей,
Упрямо следуя приказу
Своих обманчивых затей.

Мы все доводим до предела,
Разъединяя жизни круг.
От наших действий поредела
Ее мозаика не вдруг.

Мир покорён и мир покорен
Уму и делу, но, увы,
Мир, уничтоженный под корень,
Не восстанавливаем мы.

Посмотришь — кровь по жилам
стынет,—

Как это сделать мы смогли
Многоэтажные пустыни
Из нашей царственной Земли?!

Среди растений я не гений.
Я — подорожник. Я расту
По колеям твоих сражений
За жизнь, у жизни на посту.

В свою уверовав победу,
Я шел сквозь миллионы лет
По человеческому следу,
Собой означив этот след.

Я накопил упорства опыт,
Движеньем времени прибит
Под дикий рев, под тяжкий топот
Опустошительных копыт.

Бежали люди, мчались кони.
Гремел огонь, редела мгла.
В мои зеленые ладони,
Как дождь, людская кровь текла.

И плоть мою в пылу атаки
С землею вместе на клоки
Колеса рвали, мяли траки.
Утапывали каблуки.

Но я вставал. Я — вон из кожи —
Лез на свою тропу опять.
Ты человек. Ты можешь тоже
Мое упорство перенять.

И я несу свою победу,
Свою надежду и любовь
По человеческому следу
И останавливаю кровь.

Все прочное висит на волоске.
Все совершенство держится на чуде.
Течет песок времен. И на песке
Бессмертие сооружают люди.

Спит танец легкой грации в зурне.
Спит мужество в необоримом страхе.
В зерне росток мечтает о зерне,
О вспышке — порох и топор — о плахе.

В развалинах, на щебне старых стен,
Уже другие вырастают стены,
В самом чередованье перемен
Глобальные клубятся перемены.

И через ночь пускается в полет
Гармонии пленительная птица.
На ветке ивы соловей поет.
В песчинке малой — хаос шевелится.

В июле по обочинам
Проселочных дорог
Иван-да-марья в очи нам
Пылает из-под ног.

Сияет синью верности
И желтизной измен
У жизни на поверхности
Двух душ единый плен.

Цветут без осторожности
Гостям для новостей
Две противоположности
Трагедии страстей.

Течение влечения
И временный причал
Взаимоисключения
Двух песен, двух начал.

Как радостно и молодо
Сейчас в твоей руке
Горит лазурь и золото
На тонком стебельке.

*

В пустой заброшенной избе
Покинутой деревни,
Покорная своей судьбе
Своею долей древней,
В последний раз на образа
Перекрестившись сухо,
Легла в углу, закрыв глаза,
Последняя старуха.
Сложила руки на груди,
Слезы не обронила.
И обо всем, что позади
И впереди, забыла,
Всех, кто о ней забыл вдали
И ничего не знает:
Как умирает мать Земли,
Мать Жизни умирает.

Пока душа твоя нежна
Восторгом вольной воли,
Тебе не боль моя нужна,
Преодоление боли.

Любовь и совесть — у ворот
Сторожевые башни,
Там в тень от завтрашних забот
Уходит день вчерашний.

Твой день в пути.
Мой вечер тих.
И ночь за нас в ответе.
А песни ласточек моих
Там, на твоём рассвете.

*

И душе сомневаться не ново,
И душа сомневаться права,
Делу слова поверив на слово
И растратив себя на слова,

Чтоб другая могла подивиться
Откровению истинных книг,
Где в бессмертии времени длится
Навсегда остановленный миг.

КРУГ
ТРЕТИЙ

1982

ПОСЛЕ
СВИДАНИЯ

Всё во мне, и я во всем!..

Ф. Тютчев

Виктору Астафьеву

И мне признаться впору
На склоне быстрых дней:
Был труден путь на гору,
А вниз — еще трудней.

Мерцала по ущелью
Таинственная мгла.
Гора высокой целью
К себе наверх звала.

Не все душа свершила.
Не все свершить могла.
Там, позади, — вершина.
На дне ущелья — мгла.

И память жизни строже
Беседует со мной.
И с каждым днем дороже
На склоне мир земной.

НОЧЬ

Стремительно, на всех наречьях спора,
Со всей земли, на радиоволне
Все птицы человеческого горя
В полночный час слетаются ко мне.

И к прошлому, и к будущему жалость
Томит мой дух и требует помочь.
И незаметно вырастает малость
В глобальный крах,— и раздвигает ночь.

Обожествляется тупая сила,
И гений перед силой лебезит,
И вырытая трусостью могила
Земле и людям гибелью грозит.

Последний крест ложится на страницы
Последней Книги Бытия. И чад,
Коллебясь, растекается. И птицы
Погибели над гибелью кричат.

И я кричу, и радуюсь, и плачу,
Проклятие погибели кляня,
И начинаю веровать в удачу
Из гибели родившегося дня.

ОБРАЩЕНИЕ К ФАУСТУ

Времена и звезды меркнут,
Поворачивая вспять.
Заключает Фауст сделку
С Мефистофелем опять.

Не свою, а наши души
Предает и продает.
Оглушивая уши,
Гром гремит и ливень льет.

Тяжкий мрак смертельной тенью
Накрывает всё и всех —
За «прекрасное мгновенье»,
За сомнительный успех.

За гордыню страсти ветхой,
За ее последний пир.
Догорает мертвой веткой
Распадающийся мир.

Адской серою дымится
Беспредельный окоём.
...Доктор Фауст, что вам снится
С Мефистофелем вдвоем?..

*

Ты предал смерти в сѣ живое,
Но этим сам себя не спас.
И, как расплата за бывшее,
Стал вечным твой последний час.

СЛОВО О СЛОВАХ

И я хочу на свете белом,
Чтоб слово снова стало делом.
Чтоб для послов
и для ослов,
Между вождей,
В кругу пророков
Прекрасный смысл
Прекрасных слов
Освободился от пороков.
Чтобы святое слово
Честь —
Не вызывало слова
Мечь.
Чтоб утвердительное
Да
Произносилось
Навсегда.
Чтоб перед будущим ответ
Всегда держало слово: нет!
Чтобы ценою всех свобод
Хранил достоинство народ.
Чтоб мир светлее стал и шире
И не пускался в распри вновь.
Чтоб вечно царствовали в мире
Надежда,
Вера
И Любовь!

**СЕМЕНУ СТЕПАНОВИЧУ
ГЕЙЧЕНКО**

*...Останься, тайный страж,
в наследственной сени.*

А. С. Пушкин

Мой друг пока еще в бою.
Давно намеченную смело,
Несет сквозь жизнь мечту свою,
Преображаемую в дело.

Мой друг, как истинный поэт,
Не разбазаривая, копит
В пустыне с бою взятых лет
Обид и бед прекрасный опыт.

Мой друг судьбой сторожевой
И понимаем жизни сущим
Из пепла сделал мир живой
На грани прошлого с грядущим.

Мой друг седою головой
Не может мыслить по-иному,
Приписанный, как домовый,
Навечно к пушкинскому дому.

Россия. Родина. Народ...
По городам земли и весям
Он вместе с Пушкиным идет,
Душою — прям и верой — весел.

**НАДПИСЬ НА ПРОГРАММЕ
КОНЦЕРТА
ВЛАДИМИРА СЕЛИВОХИНА**

Как голос музыки глубок
И как прекрасны эти руки,
Разматывающие клубок
Восторга и смертельной муки.

Какая власть дана струне
Звучать на полную отдачу!
...И все миры поют во мне,
И я во всех — пою и плачу...

ПОДНИМАЮЩЕМУСЯ НА ЭВЕРЕСТ

Мне тоже снился Эверест.
И в душу мне смотрели, дики,
Базальта ломаные лики,
Нагроможденные окрест.

Наплывы фирнового льда,
Сползающего по карнизу,
И затушеванная снизу
Провала темная беда.

Заносы снежные по грудь
И обнажение породы,
Где по велению природы
Обрезан дальше в небо путь.

И я дивился в мире том
Нас возвышающей гордыне.
...Но побывавший на вершине
Себе в долине строит дом.

**НАДПИСЬ НА КНИГЕ
А. В. СУХОВО-КОБЫЛИНА
«КАРТИНЫ ПРОШЕДШЕГО»**

Один в тоске своих усилий
Не отлежишься на печи.
...А от чиновников в России
Темнеет, как от саранчи.

Раздумье — учит средоточью.
И ужас душу холодит.
И — ночь не в ночь!
Чиновник
Ночью
Еще чиновника плодит.

*

*Директору конного завода № 97
Ивану Афанасьевичу Финько*

А конь был в самом деле золотой,
Как некий знак возможного предела,
На удивленье мира налитой
Стремительной законченностью тела.

И он летел, и золотил простор
Гармонии вселенской на потребу,
По малахиту поднебесных гор,
По синему эмалевому небу.

Он тек подобьем золотой реки,
Заглавной буквой будущей страницы.
И хлопали глазами сосунки,
И прыдали ушами кобылицы.

Он был в мою седую душу влит.
Он сделал мир прекраснее и шире.
И я забыл тоску и боль обид
И многое, что помнил в этом мире.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СО СВИДАНИЯ

В одиночку идет от клуба,
Может, Маша, а может, Люба.
Возвращается со свиданья.
И счастливее нет созданья.
И смеется она, и плачет,
И улыбки и слез не прячет.
В платье праздничное одета
Голубого, как лето, цвета,
Неодеванное, из шелка,
На груди с медальоном шелка.
И горят ее губы-маки,
Нерастроченной страсти знаки,
Плавно хлопают, словно птицы,
Золотые ее ресницы.
Голубея и золотая,
Со свиданья идет затея.
Подоружники по дороге
Ей бросаются прямо в ноги.
И клубятся кусты сирени
Сбоку волнами в белой пене.
Вот идет она, словно праздник,
Старых — тешит, а юных — дразнит.
Возвращается со свиданья.
И прекраснее нет созданья
На вершине любви и лета,
На земле голубого цвета.

ПОЛЕ ЖИЗНИ

Даль в неоглядной тает дали,
Покорная вечерней мгле...
Ах, как мы быстро растеряли
Свою приверженность земле.

Какая цель, какая сила,
Какой свободы мотовство
В нас, ошарашив, погасило
С землю древнее родство.

Здесь розовело поле гречки,
Звенел шатиловский овес,
И клевера сбегали к речке
Ковром лиловым под откос.

Теперь здесь, к прошлому глухая,
Свободно царствует ольха.
И — ни мычания, ни лая,
Ни петуха, ни пастуха.

Ах, поле жизни, жизни поле,
Твоя судьба в моей крови,
Она подвластна горькой воле
Восстановления любви.

И это слово, этот клич мой
Диктует старый непокой:
Любовь была и будет личной —
И только! Больше никакой!

*

Опять не убраны хлеба
И не покосены покосы.
И пресловутая судьба
Не отвечает на вопросы.

Вороньи стаи гомонят,
Опять накликавая лихо,
И полосатых кабанят
Ведет на поле кабаниха.

**ПАВЛУ ЯКОВЛЕВИЧУ
ГОЛОДРИГЕ**

В час отдыха от суеты сует
Дарует нам искусство винодела
Веселье духа и блаженство тела,
Преображая в песню белый свет.

Душа поет над пеплом прошлых лет,
Над тем, что было, что она хотела,
Что жизнь смела и что она не смела
Смести с души и уничтожить след.

О, время удивительных затей,
Там на заре разведанных путей
Ты светишься, надеждой золотея.

И на глазах вселенной и людей
Ты воскресаешь от глотка «Антя»
И набираешь силу, как Антей.

**ОДНОПОЛЧАНИНУ
АЛЕКСЕЮ БРОВКИНУ
И САМОМУ СЕБЕ**

Противно пахнут пенсией
И сединой года.
Забудь, душа, претензии
И просьбы навсегда.

Ты отслужила Времени
И вышла из огня, —
Соскакивай со стремени,
Расседывай коня.

Твоею славой громкою
Натешилась земля.
Бегут дорожной кромкою
К закату тополя.

Над тополями гибкими
Густеет легкий дым.
Мир удивлять ошибками
Настало молодым.

**ПАМЯТИ
НИНЫ АЛЬТОВСКОЙ**

Есть самый тяжкий в мире крест —
Уйти из мира самовольно
От горькой боли этих мест
В места иные, где не больно.

А может, там еще больней
Душе, задумавшей такое
Освобожденье от корней
В жестоком поиске покоя?..

Я в этом не осведомлен
И не допытываюсь цели.
Но мне глаза ее, как лен,
Цветущий в поле, голубели.

Да и сейчас порой они
Вдруг возникают где-то рядом
Живой голубизной в тени
Перед моим усталым взглядом.

У МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

Я всей жизнью своей виноват
И останусь всегда виноватым
В том, что стал неизвестный солдат
Навсегда неизвестным солдатом.

И в сознании этой вины
Собирая последние силы,
Я стою у старинной стены,
У его беспощадной могилы.

И гудят надо мной времена
Дикой страсти войны и разрухи.
И погибших солдат имена
Произносят святые старухи.

Чудо жизни хранят на земле
Смертным подвигом честные люди.
Но грядущее мира — во мгле.
Но печальная память — в остуде.

И тоска мою душу гнетет,
И осенние никнут растенья,
И по мрамору листья метет
Оскорбительный ветер забвенья.

СТИХИ СОЧУВСТВИЯ БОРИСУ УКАЧИНУ

Мой друг Борис Укачин
Душою чист и щедр.
Он в самом деле плачет,
Когда срубают кедр.

Когда, закончив дело,
Злодеи водку пьют,
А срубленное тело
Кому-то продают.

И Горного Алтая
Святая красота,
От этих действий тая,
Становится не та.

В Алтае Горном голо
От вырубок и сеч.
И действием глагола
Пора разбой пресечь.

О том кричит и плачет
Один на белый свет
Мой друг Борис Укачин,
Действительный поэт.

Помочь такому горю
Я рад и потому
Стихотвореньем вторю,
Сочувствуя, ему.

НЕ ВЕРНУВШЕМУСЯ ИЗ ТАЙГИ

Памяти Анатолия Клещенко

**Под мерцаньем холодных светил
Во владеньях самой Немезиды
Он гордыней своей победил
Беспощадную хватку обиды.**

**Он простил обманувшую страсть
И предательство первого друга
И отдал свою душу во власть
Откровенья Полярного круга.**

**Колыма, Воркута. Уренгой.
Необъятная воля и сила.
Он прошел испытанье тайгой,
И тайга его усыновила.**

НЕОТОСЛАННЫЕ СТИХИ

Смотрите: у заката на пиру
Смежило солнце золотые веки.
...Не с Вами ли опасную игру
Затеяли давно когда-то греки.
И Вам везет. Любая карта в масть.
А выигрыш — еще сто тысяч весен.
...Вы созданы затем, чтоб Вас украсть.
А у меня ни парусов, ни весел.

УТРЕННЕЕ ОБРАЩЕНИЕ

Нет солдата без генерала.
Генералу — солдата мало.
Разворачивается работа:
Появляется взвод и рота,
Образуется штаб. У штаба —
Аппетит растет без масштаба.
И глаголет в приказе строчка:
«Весь народ под ружье» — и точка.
И — «Пора обрушить удар свой
На соседнее государство».
С адъютантом летит в конверте
Предписанье победной смерти.
И она над стихом и прозой
Пахнет атомною угрозой,
Без пощады и снисхожденья
К каждой радости в миг рожденья,
К пестрой бабочке в чистом поле,
К тихой песне на вольной воле.
Кто теперь остановит это
Добывание тьмы из света?..

*

Два окна, да кровать, да четыре стены,
Да свечение полночи ватной,
Да шуршание старой пустой тишины
И печаль о любви невозвратной.

О погибшей любви. Ни семья, ни подруг.
И печали не будет отсрочки.
В изголовье смыкается медленный круг
Пенсионных ночей одиночки.

Воздух летнего города зноен и сух,
Лепетанье будильника глухо.
...Я дивлюсь на молчанье блокадных старух
И учусь у них мужеству духа.

МОЛОДОМУ ПОЭТУ

Мне обидно, когда молодое горячее племя,
Продолжая комедию ярмарки прошлых веков,
Всю вину за просчет, тормозящий летящее время,
Громоздит беспощадно на спины седых стариков.

Мне противно смотреть, как кичится болтливая старость
И дороги твои закрывает тебе, молодежь,
И по старой привычке за каждую держится малость,
И трагедией пахнет в слова заключенная ложь.

От тревоги за жизнь никогда не стоял в стороне я
И сейчас говорю, откровеньем любви удивлен:
Пусть Поэзия служит, от горьких обид не циня,
Неподкупною правдой классической связи времен.

**УОЛТЕРУ
МЭЮ**

**Уолтер Мэй! я Вас благодарю
За Вашу службу нашей общей цели,
Которую у бездны на краю
Мы, как спасенье, разглядеть успели.**

**Где вечное движение вперед
Познания не терпит святотатства,
Где перевод — не просто перевод,
А мост для человеческого братства.**

**Поэзия! Горит ее костер
На том мосту над отчужденья бездной,
Все голоса соединяя в хор
Своей необходимостью железной.**

*

**Молчанье откровенью не претит,
Но долго не показывает лика.
Звучание молчания летит
Через барьеры болтовни и крика.**

**Оно твою уже проходит дверь.
Прислушайся к звучанию молчанья.
И, если сможешь, попытайся, сверь
С молчанием своей души звучанье.**

На сирень и на флоксы смету
Израсходовали куртины.
Запылала вдогонку лету,
Словно факелы, георгины.

Беспокойной любви печали
И печали иного свойства
Мне приносит из дальней дали
Песня̄ дальнего беспокойства.

В щели осени ветер свищет.
И сомнение ждет ответа.
И душа моя снова ищет
Через зиму дорогу в лето.

СТАРЫЙ БОР

В бору сквозь ветки тихо
Сияет синий свет.
И оцущенья лиха
На белом свете нет.

Деревья, словно боги,
Спокойны и просты,
От страха и тревоги
Не прячутся в кусты.

Под стать небесной крыше
Сосновые стволы
Стоят, красуясь, выше
Предельной похвалы.

В величии покоя
Умеет эта рать,
Стеной на месте стоя,
И жить и умирать.

**ПАМЯТИ
АЛЕКСЕЯ ЛЕБЕДЕВА**

Жизнь твоя как прыжок с трамплина
В невозвратную глубину.
Мать умрет, не дождавшись сына,
У печали своей в плену.

Станет каменным у причала
Юной женщины силуэт.
Песне верности нет начала,
Окончания тоже нет.

Ветер времени снова ожил
И забвенья туман сорвал.
Космонавт, на тебя похожий,
Поворачивает штурвал.

И, глаза его окружая,
Открывается мир иной.
И томится душа живая
Невозвратною глубиной.

ПЛЫВУЩЕМУ НА ТОТ БЕРЕГ

**Плыви! Тоги в глубинах моря
Все, что твоей душе не жаль.
С ехидной памятью не споря,
К другому берегу причаль.**

**Плыви туда, к далекой дали.
А я податься не могу.
Смоковница моей печали
Растет на этом берегу.**

Пока мне все не все равно
И до всего есть дело,
Пока душа устала, но
Еще не опустела,
И я пока еще хочу
Идти навстречу встрече,
Догадываюсь, но молчу
О том, о чем нет речи,
Пока мне все не все равно,
Пока наш праздник с нами,—
Я постучу в твое окно
Вчерашними стихами.

Дорога дальняя. Довесок
Луны. Кругом белым-бело.
Мой лес давно сгорел. Подлесок
Сыпучим снегом замело.

А жизнь летит. Кричу — куда ты? —
Вдогонку ей, сбиваясь с ног.
Вокруг меня одни утраты:
В боях погибшие солдаты,
Победы траурные даты, —
Я в зимнем поле одиноч.

Все дальше тихий голос друга,
Дорога движется к концу.
И воет в поле волчья вьюга,
И хлещет снегом по лицу.

Как черновик в карандаше
Мой рай необитаем.
Но он поет в моей душе
У пропасти над краем.

*

Живи, себя не мучая,
Прощенья не моля.
Все в жизни дело случая,
Союзница моя.

У времени на совести
Печаль очей твоих,
А радость нашей повести
На совести двоих.

И. Г.

Что Вам виделось, я не знаю,
В светлый час на своей горе,
Но «весна без конца и без края»
Начинается в январе.

И за верность весне и песне
И метельному январю
В этом мире, от горя тесном,
Я Вас тихо благодарю.

РОМАШКА

Ромашка, излучая свет,
На солнышко похожая,
Спешит везде за нами вслед,
Своя, не переходящая.

До поздней осени на нас
Бросает взгляды смелые
Ее веселый желтый глаз
Через ресницы белые.

Она в лугу, она в лесу
И рядом — на обочине.
По всей земле ее красу
Ветра рассредоточили.

По всем полянам и полям
Ромашка с мая месяца
На счастье вам, на радость нам
Растет, цветет и светится.

То, что в душу вошло, то, что душу задело,—
Непременно в дорогу тебя позовет.
Птица Феникс, что утром сегодня запела,—
Родилась из тревоги вчерашних забот.

И сегодня она через песню, быть может,
Чью-то душу сочувствия тронет огнем,—
А печалью сегодняшней души тревожить
Пусть летит на свидание с завтрашним днем.

СОДЕРЖАНИЕ

Круг первый. 1980. Ключ

«Среди берез в зеленом храме...»	7
Стихи перед упавшим деревом	8
«Ты плачешь, молча мир кляня...»	9
«Не насыщая пищей чрево...»	10
Вспоминая океан	11
«Июль. Исходят липы цветом...»	12
Сергей Орлов	13
Минута молчания	14
Полдень	15
Памяти Л. Н. Мартынова	16
«В мельканье жизни разной...»	17
Оптимальные стихи	18
Надпись на рукописи без подписи	20
Ода свече	21
«Я вновь дышу моей весной...»	22
«Ты бежишь за вчерашним днем...»	23
«Зачем опять ломать карандаши...»	24
«Мы все зависим друг от друга...»	25
«Непобедимой жизни праздник...»	26
«О том, что в тайной песне спето...»	27
«Самих познаний черствый хлеб...»	28
«Ну, что ж! Дари, раздаривай...»	29
Окно	30
«На смятую постель рассвет...»	32

«Стояла сушь. Хлеба от жажды...»	33
Очень простые стихи	34
Молодому мастеру	35
Надпись на книге Сенеки «Письма к Луцилию», по- даренной Владимиру Жукову	36
Каин	37
«Все ощутимее потери...»	38
«Мой друг умирает в постели...»	39
Цепная реакция	40
«Не спеши улетать из души моей, красное лето...»	41
Перед утром	42

Круг второй. 1981. Из-под снега

«В какой закономерности...»	45
«Росу в сирени солнце пьет...»	46
«Вид из окна непрехотливый...»	47
«Что-то страшное в мире творится...»	48
«Свечи мерцающий огарок...»	50
«Весь мир туманный и неясный...»	51
«Есть хаос, есть порядок...»	52
«Освобожденное от пыла...»	53
«Иные пути и начала...»	54
«Горят и светят сквозь ресницы...»	55
«Согласия и радости...»	56
«Мир бесконечен и богат...»	57
«Все поглошающие воды...»	58
«Из недр глубинных брызги...»	59
«Все, словно должное, приемля...»	60
«Здравствуй, милая, здравствуй! Еще примириться не хочет...»	61

Памяти Сергея Наровчатова	62
«Правда в старинной пословице есть...»	63
«Виднее в чаше жизни дно...»	64
«Возникают и гибнут вместе...»	66
«Это милое обаянье...»	67
«И ты стоишь, как нищий...»	68
«Я вам за все спасибо говорю...»	69
«В песках времен иссякнет наша речь...»	70
«Железная дорога...»	71
«Ах, женщина! Мне тоже опыт дан...»	73
«Великая могучая река...»	74
«Помолчи, или оплакивай...»	75
«Увы, не представляет разум...»	76
«Среди растений я не гений...»	77
«Все прочное висит на волоске...»	78
«В июле по обочинам...»	79
«В пустой заброшенной избе...»	80
«Пока душа твоя нежна...»	81
«И душе сомневаться не ново...»	82

Круг третий. 1982. После свидания

«И мне признаться впору...»	85
Ночь	86
Обращение к Фаусту	87
«Ты предал смерти всё живое...»	88
Слово о словах	89
Семену Степановичу Гейченко	90
Надпись на программе концерта Владимира Селиво- хина	91
Поднимающемуся на Эверест	92

Надпись на книге А. В. Сухова-Кобылина «Картины прошедшего»	93
«А конь был в самом деле золотой...»	94
Возвращение со свидания	95
Поле жизни	96
«Опять не убраны хлеба...»	97
Павлу Яковлевичу Голодриге	98
Однополчанину Алексею Бровкину и самому себе . .	99
Памяти Нины Альтовской	100
У могилы Неизвестного солдата	101
Стихи сочувствия Борису Укачину	102
Не вернувшемуся из тайги	103
Неотосланные стихи	104
Утреннее обращение	105
«Два окна, да кровать, да четыре стены...»	106
Молодому поэту	107
Уолтеру Мэю	108
«Молчанье откровенью не претит...»	109
«На сирень и на флоксы смету...»	110
Старый бор	111
Памяти Алексея Лебедева	112
Плывущему на тот берег	113
«Пока мне все не все равно...»	114
«Дорога дальняя. Довесок...»	115
«Как черновик в карандаше...»	116
«Живи, себя не мучая...»	117
«Что Вам виделось, я не знаю...»	118
Ромашка	119
«То, что в душу вошло, то, что душу задело...» . . .	120

Михаил Александрович Дудин

ТРИ КРУГА

Книга новых стихотворений

Редактор Б. Романов

Художник В. Бродский

Художественный редактор В. Покатов

Технический редактор В. Юрченко

Корректоры Т. Люборец, Г. Черепенникова

ИБ № 3393

Сдано в набор 24.08.83. Подписано к печати 09.01.84. А 06705. Формат 70×90/32. Гарнитура об. нов. Печать офсет. Бумага офсет № 1. Усл. печ. л. 4,68. Усл. кр.-отт. 14,25. Уч.-изд. л. 2,74. Тираж 50 000 экз. Заказ 2763. Цена 45 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярецевская, 4

Госкомиздат РСФСР

Полиграфическое производственное объединение «Офсет» Управления издательства, полиграфии и книжной торговли Волгоградского облисполкома. 400001, Волгоград, ул. КИМ, 6

Дудин М. А.

Д81 Три круга: Книга новых стихотворений.— М.: Современник, 1984.—124 с.— (Новинки «Современника»).

В пер.: 45 коп.

Новую книгу известного советского поэта составили лирические стихотворения последних лет, проникнутые раздумьями о нашем времени, о добре и любви, об ответственности людей перед будущим.

Д 47002010200—029 158—84
М106(03)—84

ББК84Р7
Р2

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Просим отзывы о книге — ее содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении — направлять по адресу: 121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4. Издательство «Современник».

45 коп.

Стихи Михаила Дудина, Героя Социалистического Труда, лауреата Государственных премий, хорошо известны любителям поэзии.

Новая книга поэта включает в себя стихотворения последних лет.